

В редакцию журнала не перестают приходите письма читателей с откликами на книгу Станислава Юрьевича Куняева “Нет на свете печальной измены...” и на его статью “Скатертью дорога” (“НС”, № 9, 2014), посвящённые одной теме — событиям на Украине... Чудовищный разлом между двумя братскими славянскими народами принёс нам всем огромную душевную боль и посеял смуту в общественном сознании и русских, и украинцев. Потому и столь разноречивы отклики читателей на те кровоточащие, в полном смысле этого слова, факты, что приводятся на страницах обсуждаемых произведений. Читатели высказывают свои мнения по этому вопросу, а автор произведений отвечает им с большой заинтересованностью и вниманием к позиции своих оппонентов. Так рождается интереснейший диалог, достойный самого пристального внимания.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ И ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

Так бы я охарактеризовал новую книгу Станислава Куняева

Книга небольшого формата, в ней чуть больше двухсот страниц. Но читаешь её, и кажется, что она разрастается в объёме, на глазах ширится, развивается, дополняется. И формат будто раздвигается, словно перед тобой возникает распахнутое на дальние дали окно. А всё почему? Да потому, что речь в ней идёт о родном, близком, а теперь — увы! — отрезанном. Очередной сюжет, поворот книги дополняется твоими собственными воспоминаниями, сердечными заметами или памятными наблюдениями, деталями. Эта переключка, это ауканье разрастаются в пространстве и во времени, возвращаясь эхом недавней и далёкой истории, будоража сердце и душу. И возникает диалог.

Я ведь тоже, Станислав Юрьевич, “любовался Киевской Софией, вглядывался в Оранту — Нерушимую стену, вчитывался в древнерусские священные тексты, выложенные золотой смальтой на стенах Владимирского собора, расписанного Васнецовым... А как не вспомнить постепенного погружения в полутьму, в прохладу подземелий Киево-Печерской лавры, где тускло мерцают свечи, освещающие стены и потолки, вырубленные в днепровском известняке руками нескольких поколений монастырской братии...” Не будь погружения в эти подземные чертоги, я едва ли “погрузился” бы в историю и судьбу князя Владимира — крестителя Руси — и написал бы повесть “Красно Солнышко”. Тут прямая связь.

Чернигов и мне запомнился “своими белокаменными храмами домонгольской архитектуры”. А в сельском храме на Черниговщине я впервые ощутил, что такое благодать, когда крестили моих маленьких детей, дочку и сына.

Ваша харьковские страницы унесли мою память аж на полвека назад. Тогда, в 1964 году я сдавал экзамены в Харьковский политех, где скромной лаборанткой работала моя тётя. На её помощь и уповали мои родители, когда направили меня туда. Экзамены я благополучно завалил, ибо моё гуманитарное начало перевешивало техническое. Но с благодарностью вспоминаю прогулки по Харькову, в которых вожатым был мой двоюродный брат и ровесник

Второй, по отцу украинец. Те давние впечатления оживил памятник Богдану Хмельницкому на обложке книги — это ведь бронзовый гетман на пару с медным всадником мчат из истории в неведомое наше — русское и украинское — будущее.

Вы вспоминаете, что на военную переподготовку Вас дважды отправляли на Украину. А я с украинскими хлопцами служил на просторах России: сначала — в учебке, а потом — в боевой части. Жизнерадостные, общительные ребята, они ничем не выделялись и не отделялись от нас, русаков. Больше того, с одним из хохлов, Мишей Франчуком, мы подружились. По виду — де Голль, такой же голенастый и носатый, он состоял в нашей полуроте на должности фельдшера. В моей повести “Служивый” ему отведено немало страниц.

Ещё одно место, где довелось тесно общаться с украинцами, — Высшая комсомольская школа (ВКШ), куда на профессиональную переподготовку собрали ответственных секретарей молодёжных газет. Было это в начале 1980-х. Помню дружеские застолья, откровенные беседы, в которых мы, русские и украинцы, дружно ругали цензуру. Цензура у коллег-украинцев, в том числе “западнцев”, была свирепее, судя по их суховатым газетам, они с явной завистью разглядывали наши издания. Может, поэтому десять лет спустя с особым ожесточением сбивали эти “колодки”, ругая при этом “москалей”, словно не свои же, “самостийные” цензоры зажимали их где надо и не надо.

Читаю страницы о Западной Украине. Вы, Станислав Юрьевич, добром вспоминаете поездку туда: *“Везде нас принимали радушно, нигде мы не чувствовали себя ни “москалями”, ни “оккупантами” — ни в городах, ни в горных сёлах, ни в карпатских гостиницах и турбазах, открывавших свои двери в любое время нашего долгого, утомительного, но прекрасного путешествия”*.

Мои впечатления не столь радужны, однако и не мрачны. 1984 год. Я — в Трускавце, снимаю комнату в частном секторе. Неприязни вроде нет, но натянутость в отношениях с хозяевами чувствуется. Карбованцы за постой они принимают охотно, однако предпочли бы при этом не видеть меня, хотя я и так не шибко докучаю. С утра ухожу пить целебную воду нафтусю, на процедуры в местную лечебницу, гуляю по городку. А потом сижу взаперти, работая над рукописью книжки о походах по местам боёв в Карелии, где, к слову сказать, плечом к плечу сражались русские и украинцы, да включаю тихо пластинку Аллы Баяновой, которую приобрёл в местном магазине грамзаписи. “Я тоскую по Родине, по родной стороне моей...” — задумчиво выводит Алла, разделяя мою печаль. Алла ещё на чужбине, не в России, но пластинка румынского Electrecord с её записями уже пересекла границу СССР.

Читаю книгу, сопоставляю с собственными представлениями, размышляю. Нет, если взвешивать все за и против, не было меж русскими и украинцами непреодолимых противоречий. Недопонимание в чём-то — да, но принципиальных поводов, чтобы во имя них развалили великую державу, и в помине не было. Автор с разных сторон осмысливает нашу общую с Украиной беду. Какие напрашиваются выводы? Видимо, подвело благодушие русских и украинцев — это с одной стороны; а с другой — сказались вероломство, коварство, нахрапистость, тотальная лож наших недругов-разлучников, которые сговорились с тогдашними нашими руководителями-временщиками. Разве могли мы, русские и украинцы, представить, что так быстро пойдут трещины по зданию нашего общего дома! А теперь, спустя четверть века, кажется, и возврата нет к прежнему общежителю, а сейчас особенно скорбно и убого выглядит УкРуина...

Вспоминаются первые приметы беды. 1994 год. Глубинка Черниговщины. Заскорузлые от вечного копания в земле руки тёщи... Она как робила и десять, и сорок лет назад, так и робит, уходя на свекловичное поле на расщепе и возвращаясь на закате. В руках её обновка — красные наволочки, часть из них с серпом и молотом. Союзные флаги отменяются, по дешёвке распродаваясь в сельмаге, а на смену появляются тут и там жовто-блакитные. А на столике у тестя — толстенная книга о “героях УПА”, её привёз из Львова “продвинутый” родственник.

Обращаясь к детству, Вы, Станислав Юрьевич, говорите о Конотопе, где пришлось жить и учиться в школе. Вот уже лет пятнадцать в Конотопе стоит украинская таможня, на которой “свидомые хлопцы” внимательно пронизывают тебя взглядом, прикидывая, нельзя ли с этого “москаля” чего-нибудь содрать. А киевское радио на перроне всю трубит о некоей Конотопской

битве, где “великие люди” наголову разбили несметные полчища “клятые мискокалей”. Что тут скажешь?! “Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...” Мир помнит Полтавскую битву, где хохлы и москали наголову разбили самую сильную по тем временам шведскую армию. Все знают о героической обороне Крыма в середине XIX века, когда русские и украинцы плечом к плечу отстаивали Севастополь от наседающих англичан и французов. Но Котопская битва – это плод больного воображения мифических укров. Она, естественно, не войдёт ни в европейскую, ни – тем более – в мировую историю. Зато навсегда останется в общей нашей памяти горе Чернобыля. Мой харьковский брат Виктор, будучи командиром взвода химзащиты, получил там запредельную дозу радиации. Рядом с ним боролись с ядерным пожаром спецбойцы из Архангельска и Северодвинска... Это была общая наша беда – беда русских, украинцев и белорусов.

Финал книги совсем неожиданный – диалог с Мариной Струковой. В юности ярая русская националистка, воспитанница “Нашего современника”, она спустя двадцать лет обратилась в защитницу украинской хунты. Произошло это не вдруг. Вы, Станислав Юрьевич, по-отечески остерегали Марину от крайностей. Я помню ту статью в журнале. Но кто бы мог подумать, что из одной крайности эта особа кинется в другую!

Человек пишущий вечно рефлексивен. И публицист, и прозаик, и особенно поэт. Думы о Родине, о государстве, о бедах народных, о своей собственной судьбе и творчестве – от этого никуда не деться. Но зачем при этом впадать в наивный мазохизм?! Ладно, если ты расковыриваешь свои собственные болячки, путаясь в комплексах, страстях и обидах, вместо того, чтобы кинуться в храм да помолиться, да покаяться в своих грехах. Но кто тебе дал право обвинять свой собственный народ, что он, видите ли, не так себя ведёт в окружающем мире? Русский народ перенёс столько страданий во имя человечества, что критиканам всех расцветок лучше бы помолчать. А уж доморощенным – тем более. От их смердяковщины душу воротит. Они, шельмецы и шельмователи, не заслужили такой Родины, которой гордится русский народ. Но горько, что в тот стан, где кучкуются Макаревич, Лия Моджахедовна, Альбац и прочая, перешла талантливый поэт Марина Струкова.

Это перерождение произошло не сразу. Динамику его можно отследить по её публицистике, многочисленным выступлениям на различных сайтах. Но итог – вот он: петлистая тропа Андрия...

Читаю эти страницы, Станислав Юрьевич, с болью и недоумением. А ещё, как ни странно, с профессиональным удовлетворением: это надо же какая концовка! Ведь судьба Марины, проецируясь на беду Украины, обнажает самую суть перерождения. Когда русский по природе человек (Марина – Украина) замыкается в маленьком мирке, волей или неволей отвергая большой русский мир, он обращается в инфантильного подростка, неспособного сфокусировать свой взгляд на предмете, и совершает нелепые поступки. И тут одно из двух: либо взрослей, обретай твёрдый взгляд на окружающий мир, в котором звучит голос бессмертного Тараса Бульбы: “Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...” Либо сиди на задворках истории, где пребывают все отщепенцы, начиная с Мазепы. Третьего не дано.

Спасибо за книгу, Станислав Юрьевич! Прозорливости Вам не занимать, к ней бы ещё ясного зрения Вашим глазам и здоровью. Вот этого Вам и желаю.

Искренне Ваш
Михаил Попов
г. Архангельск

ДОЛОЙ КИТЕЖ, ДАЁШЬ НАБАТ!

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Ваша статья “Скатертью дорога” подтолкнула меня к размышлению о том, чем является современная патриотическая интеллигенция. Нельзя не заметить, что её показная “русскость” – всего лишь тога, прикрывающая истинно-го её бога – государство.

Писатели-патриоты пишут книги, издают сборники рассказов и стихов, чем удовлетворяют собственные амбиции, но глубинной связи с русским народом у них нет. Их мейнстрим – обслуживание государства, ибо только оно по-настоящему может их увидеть, приблизить, возвысить, но не народ.

Русская интеллигенция в своей трусливости даже сблизилась и в чём-то сроднилась с еврейской либеральной интеллигенцией, признав её если не правоту, то силу.

Где живёт эта русская интеллигенция? Она в Москве и Петербурге, но с границ Петергофа и МКАДа не слышно и не видно того ужаса, в который впал настоящий русский народ. Он мутировал под зомбированием Останкино, под его лучевым всепроникающим засильем. Это излучение сделало россиян практически копией так ненавидимых российско-патриотической тусовкой американцев.

Где национализм русской интеллигенции? Где это воплощение любви к своему народу?.. Где солидарность с его унижением, бедами, вымиранием, алкоголизацией и дебилизацией?.. **Где протест, набат русской интеллигенции?!**

Вся литературная блажь русских патриотов писателей и публицистов фокусируется около Китежа – мессианского города счастья и благоденствия. Вера в чудо и просветление масс без насилия, революций и потрясений – ещё один признак инфантилизма.

На страницах своей прессы писатели-патриоты горячо и нежно любили братскую Украину и украинский народ, но в хищнической войне Кремля против Украины в 2014 году мало того, что не осуждали, – стали первыми кликушами террора против “жовто-блакитных”...

Крым и Донбасс показали подлинное лицо русского народа, это отражение того воспитания, которое проводилось режимом Путина и его карманной оппозицией на протяжении последних пятнадцати лет. Это итоги. Так Вам ли и Вашим ли коллегам по перу, господин Куняев, претендовать на роль цензоров русской совести?!..

Григорий Кузнецов
(адрес не указан)

МОЙ ОТВЕТ ГОСПОДИНУ КУЗНЕЦОВУ

В отличие от Вас, я лично и наш журнал делаем всё возможное сегодня, чтобы “литературное пространство” России дышало и жило творческой жизнью, чтобы русские писатели “купались” в нём и слышали голоса своих соратников, живущих не “в границах МКАДа”, а по всей великой стране. Вы, как я понял из Вашего письма, наш журнал либо не знаете, либо ненавидите из идеологических соображений. А потому незаслуженно и высокомерно поучаете меня и моих друзей – известных писателей всей России. “Наш современник” был и остаётся журналом Валентина Распутина и Юрия Кузнецова, Николая Рубцова и Вадима Кожинова, Василия Белова и Георгия Свиридова, а также живущих пишущих ныне Андрея Убогого, Глеба Горбовского, Альберта Лиханова, Юрия Лошица, Виктора Лиханосова, Владимира Крупина и многих других выдающихся национальных писателей Всея Руси.

Езжайте же лучше на Украину к Саакашвили, который, глядишь, и подыщет Вам в Одессе какую-нибудь русофобскую должность. Вы этого будете достойны.

Станислав Куняев
г. Москва

НЕ ВМЕРЛА ЛИ УКРАИНА?

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за Вашу книгу “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Я внимательно её прочитала. Что ж, попробую по-

размышлять. К сожалению, официальная информация, поступающая с той и с другой стороны, слишком тенденциозна, чтобы слепо ей доверять. Другое дело — письма очевидцев, положенные в основу Вашей книги: несомненно, они искренние и честные.

Согласна, что национализм на Украине приобрёл крайние, экстремистские формы, пагубные не только для русских, но и для этнических украинцев. Это огромная беда всего народа, населяющего Украину. Беда. Но чья вина? Вот здесь не хотелось бы рубить сплеча.

Я никогда не была на Украине и знатоком её быть не могу. Хотя в детстве очень мечтала там побывать и даже самостоятельно изучала украинский язык. Было мне лет десять, когда в нашу вятскую глушь откуда-то залетели три номера украинского детского журнала, и мы с младшей сестрой принялись читать их вдоль и поперёк, заучивая наизусть стихи и рассказы. Украинский язык нас очаровал, потому что мы уже начитались “Вечеров на хуторе близ Диканьки” и “Тараса Бульбы”. Роскошные гоголевские картины, как живые, стояли перед нашими глазами, и украинский язык был так органичен всему, что Гоголь передал по-русски!.. Это завораживало. Возможно, тут была просто детская наивность. Но впоследствии мне довелось познакомиться с одним русским поэтом, который выучил украинский только за то, что им разговаривал Бульба.

Вы вправе сказать: “Эх, Сырнева, жила бы ты на Украине, может, по-другому бы запела”. Как знать. Мне довелось выслушать немало рассказов о том, как украинский литературный язык “портил жизнь и аттестаты” тех, кто учился в школах на Украине. “Мы всем классом ненавидели украинский, — срок лет назад признавалась студентка Кировского пединститута, приехавшая из Феодосии. — Мы отказывались его изучать, срывали уроки и пытались доказать учителям, что он нам совершенно не нужен”. Полагаю, что в этом бунтарском классе учились не только русские, но также и генетические украинцы.

Но принадлежность к этносу определяется не только генетическими признаками, а, в первую очередь, языком человека и его национальным самосознанием. Иными словами, если украинец (белорус, калмык и т. д.) говорит по-русски и ощущает себя русским, то он русский и есть. Это хорошо выразил Олесь Бузина, слова которого Вы цитируете в книге: “До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я — украинец, а я чувствовал какой-то подвох... Как только ты понимаешь, что украинец — это всего лишь такой русский, а тебя, не побоюсь этого слова, нисходит благодать”. Не ощущал себя Олесь Бузина украинцем, было у него русское самосознание. Перешёл в другой этнос, но сам себе в этом признаться не хотел, утешал себя и другим пытался доказать: “Украинец — это всего лишь такой русский”.

Но, по моему мнению, ошибался Олесь: украинцы и русские — два разных, хотя и очень близких этноса. Но в двадцатом веке от украинского этноса отпали и влились в русский этнос сотни тысяч, если не миллионы людей. И, кстати, они внесли немалый вклад в русскую культуру, русскую литературу и журналистику — посмотрите, сколько у нас знаменитостей с украинскими фамилиями!

Но есть ещё своеобразный “синдром новобранца”: переходя в другой этнос, многие люди усиленно, а то и ожесточённо отмежевываются от своих генетических корней. Вот один пример. Работая на Крайнем Севере, мой муж подружился с уроженцем Донецкой области (назовём его В.). В. родился и рос в греческом селе (сегодня оно на территории Украины), но по менталитету был русским. Позже с В. познакомилась и я — он заезжал к нам во время отпуска по дороге с Севера на родину. Это был во всём положительный советский парень: рассудительный, надёжный, верный друг на все времена. Украинцев он не любил и всегда подчёркивал, что он — грек. В начале 90-х годов В. явился к нам убеждённым демократом. Его кумирами стали Ельцин, Гайдар, Чубайс. Помню ожесточённые споры, в которых В. стремился и нас с мужем перековать в свою веру. Уехал он разочарованный и появился снова лишь в середине нулевых годов — убедиться, что мы так и “не перековались”. Дружба дала трещину. В. исчез и больше не давал о себе знать. “Где-то он сейчас? — гадали мы. — Наверняка топчется, шумит на Майдане”. Ничего подобного! В прошлом году получаем от него письмо: “Живу в России. В своё село вернусь только на русском танке”. Неужто поступил принципами демократии?! Стали выяснять — нет, не поступил. Всё тот же пантеон демокра-

тических богов. А на танк лезет из ненависти к украинцам: она оказалась сильнее политических пристрастий.

В свою очередь, многие этнические украинцы невольно воспринимают “русских украинцев” как предателей. Рост национализма в украинском этносе, начавшийся в конце 80-х годов, значительно усилился с возникновением украинской государственности и выплеснулся в ненависть к русским. Крым, Донецк и Луганск устроили эту ненависть.

Вмешательство Запада во внутренние дела Украины, о котором так много пишут Ваши корреспонденты, очевидно. Но справедливости ради надо сказать, что и Россия не сидела сложа руки. Таково уж геополитическое положение Украины – на стыке Востока и Запада, – что она и впредь будет претерпевать сильнейшее влияние с обеих сторон. Думаю, что “власть переменится” там ещё не раз.

В 2006 году лично знакомые мне журналисты, пиарщики и политологи из России работали в Харькове по продвижению группы “Добкин-Кернес”, и их усилия увенчались успехом: Добкин стал мэром Харькова, а впоследствии перedal бразды правления Кернесу. Россия усиливала своё влияние на Украине, продвигая к власти “лояльных” людей. А чуть позже в Украину молодая украинка рассказывала на весь плацкартный вагон о том, как она целый месяц жила в палатке на Майдане, и за это ей платили по 10 долларов в сутки. По мнению простодушной женщины, это было очень удачное трудоустройство, “но доллары у них кончились”. И вот приходится ехать на заработки в Россию. Можно возмутиться беспринципностью дивчины, но наши журналисты тоже ведь трудились не бесплатно.

Теперь о Крыме. Ликование русских естественно: Крым – наша национальная гордость, он овеян русской славой. Правда, его пришлось присоединить к России в нарушение международных норм. Ну, а как быть?! Не оставлять же бандеровцам стратегически важную территорию с её базами флота – не только надводного, но и с уникальной базой для атомных подводных лодок в Балаклаве! Надо думать, именно это обстоятельство и явилось главной побудительной причиной присоединения Крыма. А вот “оккупированных русских”, которые пишут Вам горькие письма из Харькова, из Одессы и Полтавщины, “русские танки” освобождать не торопятся. Под жернова такой политики попали миллионы ни в чём не повинных русских и украинцев.

Пока Запад и Россия на территории Украины будут “гроссе политик махен”, письма тревоги и отчаяния в Ваш почтовый ящик обеспечены.

И в этом смысле совсем ли уж не права поэтесса Марина Струкова, которую Вы в порыве возмущения (так и напрашивается классическое: “Я тебя породил – я же тебя и убью!”) смешали с бандеровцами, с маргинальными макаревичами и машами гайдар? Струкова по-своему вступилась за Украину; может быть, сделала это не очень умело, но в её поведении нет никакого противоречия, я не вижу тут “измены себе самому”. Она много лет зывала к национальному самосознанию русских; но она же, как следует идейной националистке, приветствует и рост национального самосознания у других народов.

Всплеск национализма у украинцев очевиден. И ничто не способствует национальной сплочённости так, как война. Да, повторюсь, украинский национализм принял опасный, антигуманный облик, под вопль: “Ще не вмерла Украина!” И крест на ней ставить рано.

Замечательные слова сказал Вам мудрый Василий Бабанский: “Украина всё же есть, и, как поётся в гимне, “Ще не вмерла”. Иное дело – какая она сегодня? На неё опустилась густая Вальпургиева ночь, готовая вот-вот перерасти в “ночь длинных ножей”. Надеюсь, Бог так управит, что этого не случится”. Выходит, есть в Украине настоящие патриоты своей страны, и таких, как Бабанский, много. Почему же и нам не верить в лучшее?..

Летом 2014 года в нашей дачной деревне работала бригада строителей, приехавших из-под Львова. Трое молодых ребят, все не старше 30 лет. Советского Союза они помнить не могли. По-русски более или менее сносно из них говорил только бригадир Иван. Про себя он рассказал, что на родине тоже строит дом для своей семьи (как раз в это время у него родился сын). “Чтобы свой дом построить, мне надо сначала денег заработать – построить много домов в России”. Сначала парни держались обособленно и замкнуто: ещё бы, ведь телевизор 24 часа в сутки твердил о бандеровцах. Однажды к ним подошёл сосед Сергей: “Слышу, ребята, вы не по-нашенски говорите;

откуда будете?” – “С Беларуси”, – осторожно ответили строители. – “Врите кому угодно, только не мне! Я везде бывал, и у вас на родине – тоже. Вы не с Беларуси, вы – западэнцы!.. Вечерком заходите ко мне в гости: бутылочку разопьём, потолкуем”. И вечером все трое потянулись во двор к Сергею.

Постепенно с ребятами познакомилась вся деревня. Работали они хорошо, на совесть, и к концу лета построили дом. А в самом начале, когда они ломали старый дом, нашли в нём пожелтевшую фотографию военного времени: советский лётчик на фоне своего штурмовика. Фотографию они могли повредить, выбросить – никто бы об этом не узнал. Но парни бережно завернули её в газетную бумагу и молча отдали хозяину.

Ведь где-то научили же их – или в украинской школе, или родители так воспитали: пусть для тебя это не ценность, зато для другого человека – святое; так ты ценности другого человека уважай, – хоть и думаешь иначе, чем он.

А в соседнем районе строители из западной Украины спасли от смерти местного мужика. Утром он ушёл из дома и не вернулся. Жена только к ночи спохватилась, побежала по деревне – не выпивает ли где. Не нашла. Пока деревенские мужики хихикали: мол, к утру выживет; пока намекали, где его искать, украинцы завели трактор с тележкой и поехали колесить по окрестным дорогам. И нашли бедолагу лежащим на земле. Пошёл он в соседнее село и в результате несчастного случая потерял сознание, упал. Мог бы замёрзнуть. Эту историю мне рассказал вятский писатель Олег Шатков, включивший её в одну из своих повестей.

Вот, пожалуй, и всё из моего личного опыта, что связано с Украиной. Сегодня Украина – полигон, где сталкиваются разнонаправленные корыстные интересы сильных мира сего, реализуются неумённые политические амбиции, зарабатываются звёзды на погоны и, может быть, даже катятся пробные шары на самонадеянном пути к мировому господству. Не буду называть фамилий – среди них есть и русские. Жаль, что в этой ситуации у Вас крайней оказалась Марина Струкова... С Вашим-то умищем, дорогой Станислав Юрьевич, с Вашими талантом и осведомлённостью можно бы стрелять и не по воробьям.

Через несколько дней от Светланы Сырневой (автора этого письма) пришло ещё одно коротенькое письмецо.

Дорогой Станислав Юрьевич! Уже после того, как я отправила Вам свой отклик, я более подробно познакомилась с нынешним мировоззрением Марины Струковой. Приношу Вам свои извинения! С Вашей точкой зрения нельзя не согласиться. Искренне жаль, что в сознании Марины произошёл такой печальный для всех нас переворот. Беру свои слова обратно.

Крепкого Вам здоровья, новых книг, верных друзей!

Всегда Ваша
Светлана Сырнева
г. Киров

“ЭХ, СЛАВЯНСКОЕ ЖИТЬЁ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Благодарю за бесценный подарок – Вашу новую книгу “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Читали и перечитывали её в Рождественские дни с мужем вместе, и сердца наши плакали.

Ещё бы нам не плакать! На Украине живут самые близкие, самые родные нам люди: внучка моя, единственная дочь погибшего сына моего, Николая, офицера Советской армии, два родных брата моего мужа: один – в Бердянске, другой – в Запорожье со своими детьми и внуками, в Харькове живёт моя двоюродная сестра, дочь пропавшего без вести на Великой Отечественной дяди моего Андрияна, её дети и внуки, и ещё множество родни в Сумах, Ромнах, Донецке, Киеве и других малых и больших городах Украины. Мы как-то пытались всех пересчитать, сбивались, вспоминали, а потом поняли, что не перечтём всех, потому что всех уже и не знаем, так как многие внуки родились

уже в последние годы, когда связь из-за безумной своей дороговизны и разобщения наших государств стала непреодолимым препятствием для постоянного родственного общения.

Муж мой родом из старинного города Ромны Сумской области, это рядом с Путивлем и Конотопом, хорошо известным Вам городом, в котором прошли Ваши детские годы. Когда живы были его родители, мои свекор и свекровь, мы часто ездили в Ромны на машине через Конотоп и Путивль: на майские праздники, летом – обязательно в отпуск, и на ноябрьские праздники, уж так было заведено. Помимо этого, иногда вырывались на пару-тройку дней и в Рождество, на Пасху или Троицу.

Сидели в родном саду под раскидистыми грецкими орехами – три дерева посадил отец, когда родились сыны, – такими огромными, что маленькая хатка, всегда у мамы, моей свекрови, выбеленная и чистенькая с красной, регулярно обновляемой, крашенной охрой крышей под этими орехами казалась сказочным белым боровиком. На Пасху в саду цвели вишни и тюльпаны, абрикосы и груши, сад утопал в цвету. И соседние сады кипели разноцветьем.

Мы богато привозили из Беларуси наши подарки и гостинцы, мать доставала разносолы домашние. За столом в саду собиралась большая семья. Приходили соседи, завязывались долгие дружеские разговоры.

“А как у вас? Хороший трикотаж в Белоруссии, нам нравится всё, что тут на рынок привозят от вас! Обувь белорусская хороша, “Белвест”, “Марко”, ловкая, добротная. Телевизоры “Горизонт”, “Витязь”, у нас за ними очередь. Лучше, чем наш “Львов”, надёжнее...”

“Да у вас тоже много чего хорошего. На рынок ходили. Богатый привоз. Всего вдоволь. Мёда выбор богатый, сала, орехов... Часы купили красивые...”

“Слава Богу! Теперь всё есть...”

Снова пили, угощались домашними пельменями, колбасками, потом заводили песню. С особой любовью пели украинские песни. Вы же помните, мы с мужем дуэтом давно поём и неплохо, я и теперь слышу, как льются-переливаются среди украинских домиков, утопающих в вишнёвом цвету, наши молодые и сильные голоса:

*Ніч яка місячна, Господі, зорена!
Видно, хоть голкі збирай,
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай.*

*Сядемо вкупочці тут під калиною.
І над панами я — пан,
Глянь, моя рібонько, срібною хвілею
Стелеться полем туман...*

Пели:

“Дивлюсь я на небо”, “Ой ві очи, волошкові...”, “Гой, дивчина, шумить гай...”

Потом мы заводили белорусские: “Касів Ясь канюшину...”, “Александрына”, “А у полі вярба...”, ритмичную и резвую песню “Цячэвада у Ярок...”

Потом всё застолье дружно переключалось на любимые всеми русские песни: “Катюшу”, “Подмосковные вечера”, и “Ой, мороз, мороз, не морозь меня...”, “Если б знали вы, как мне дороги Подмосковные вечера...”

Пение становилось мягче, душевнее, спокойнее, и никто даже думать тогда не мог, что слово “подмосковные” когда-нибудь станет ненавистным на “рідной Україні”...

А завершалось застолье под наш запев чудной белорусской песней:

*Дзе нїдзем, дзе нїдзем,
Карчмы не мїнаем.
Як на працы, то нї пьєм,
А у гасьцях гуляем...*

*Эх, славянская жыццё,
Стрэчы ды раставні,
Пасля чаркі забыццё,
Потым — пакаянье...*

Никто тогда и подумать не мог, что наступят такие горькие времена и нагрянут невыносимые морозы, которые остудят, выстудят всё тепло, всю любовь таких родных, близких кровно, душевно и духовно людей, многолетние родственные, дружеские и соседские связи...

Помню холодный декабрь, когда умерла любимая моя мудрая и многотерпеливая, крепко державшая весь дом и весь род свекровь. Похороны были в солнечный, но холодный день — на Николу Зимнего, снег лежал до крыши. И уже после похорон, на девятый день, после поминок сидели за семейным столом, оставшись уже одни, только свои, три брата с жёнами. Беседовали о том, о сём.

Вдруг, казалось бы ни с того, ни с сего, невестка из Бердянска заметила, опять же, как бы между прочим: “Надоело кормить Москву. Украина — житница. Мы богаче жили бы, если бы не москали”...

Помню, как мы с мужем горячо отреагировали, возмутились, стали объяснять, доказывать ей, что глупость она сморозила, что, мол, откуда у тебя завелась гниль такая в башке... На что была реакция, неожиданно для нас, очень агрессивная, даже злобная, и расстались мы тогда, почти перессорившись, если не сказать больше. Так и уехали с горечью в душе. Это был 1994 год...

Нынче на дворе 2016-й. С тех пор мы с младшей нашей невесткой из Бердянска то мирились, то снова заводились, спорили горячо, до настоящей ссоры со слезами, упрёками, историческими доводами, а теперь уже, ни мало, ни много, а 15 лет как не разговариваем даже. Ни в какие праздничные даты. О встречах и речи нет. Не ездим. Общаемся только с братом. По телефону. В великие праздники и дни рождения. Вот так...

На примере одной только нашей семьи многое можно было бы рассказать. Но разве нынче расскажешь ярче и больше, чем то, что произошло уже на примере целого государства, и не одного, поскольку мы же теперь живём каждый в своей “незалежной” стране.

А ведь в сердечных песнях, любимых и певаемых нами не однажды, мы не замечали, что стояли рядом со строчками “Я прігорну тебе до свого серденька, а воно палке, як жар” такие строки “і над панамі — я пан...”.

Желание и стремление “быть паном над панами” всегда подспудно жило в том герое старинной песни — украинском мужичке, так и не впитавшем в кровь евангельских заповедей кротости и, особенно, наиглавнейшей: “Возлюби ближнего своего...” И то сказать: а за что ему было любить пана? Он с детства был угнетаем паном и ненавидел его, мечтая стать паном над угнетателем. Но как случилось, что образ пана увидел вдруг обычный украинский мужик, трудяга, в своём таком же нищем труженике — русском крестьянине? Всяк русский стал — “москалём”...

В канун Нового года, 23 декабря, в Минске проходило расширенное заседание Правления Союза писателей Беларуси. Во время своего выступления я показала залу Вашу новую книгу со словами: “Вот новая книга Станислава Юрьевича Куняева, нашего друга, участника съездов Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства, лауреата премии Союзного государства, всем Вам хорошо известного и любимого нами поэта и публициста, главного редактора самого уважаемого, самого патриотичного и самого читаемого литературного журнала на постсоветском пространстве “Наш современник”, объединяющего нас, литераторов бывшей большой страны и по сей день. И в ней красной нитью идёт тема объединения, единства литератур славянских народов и их писателей во что бы то ни стало. Книга называется “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”, но в ней есть страницы, посвящённые воспоминаниям о нашем Съезде Союза писателей Беларуси, на котором выступили со страстными горячими речами и Станислав Юрьевич, и солдат Великой Отечественной, украинский писатель Александр Сазоненко. Они оба восхищались дружеской обстановкой, торжеством и единством, царящими на нашем съезде Союза писателей Беларуси, и уже тем мы вошли в историю, что запомнилися Союзом писателей, в котором

нет войны, а есть взаимопонимание, взаимоуважение, независимое от того, на каком языке мы пишем”.

Далее я говорила о том, что накануне выступала на Международной конференции в Брянске, посвящённой теме “Русский язык как важнейшее средство межнационального общения народов” с докладом, о том, как отозвался зал на представленные мною переводы русской поэзии на белорусский язык, и наоборот, как вспыхнуло спонтанное чтение стихов Толстого и Тютчева, потом Купалы и Богдановича.

Говорила с трибуны Пленума о той любви, которой окружены белорусские люди, приезжающие в любой город России. О том, что нынче так важно беречь и восстанавливать то, что ещё не успели разрушить: наше единство, добромыслие, чистоту и любовь наших народов – не все ведь ещё отравлены телящином! Для того мы, писатели, и живём, и работаем, в общем-то, как правило, бесплатно, чтобы ещё постоять “за веру и Отечество” на том небольшом островке, окружённом отнюдь не любовью, помощью и дружелюбием, называемом литературой.

Что будет у нас в Беларуси? И может ли быть аналогичное тому, что происходит на Украине? Думаю, что нет. Нет, потому что белорусы – народ очень честный, очень мудрый, трудолюбивый, мягкий, добросердечный. Белорус всегда разделяет боль и беду соседа, чужой беды для него не бывает. Но в Беларуси ведь живут разные люди. Много есть и таких людей, которые считают себя “литвинами” и категорически не хотят признавать ни белорусский герб, ни флаг, ни гимн, ни идентичность свою со славянскими корнями. . . Это долгий и сложный разговор. Да и на страницах “НН” этой сложнейшей теме уделяется достаточно внимания. Но, как сказал мой любимый поэт Александр Твардовский, “но – всё же, всё же, всё же. . .”.

Всё начинается с малого. Большое предательство – с малой усмешки, большая кровь и война – с единого выстрела. . . А главное – с непонимания. С нежелания понять друг друга. С убеждения, что ты – лучше, ты достойнее, что у тебя есть право, а у соседа *нэмае*. . .

Ваша новая книга, дорогой Станислав Юрьевич, – это ещё одна, очередная горячая попытка раскрыть глаза на происходящее, обратить внимание, разбудить, наконец, достучаться до сознания тех, кто считает, что он живёт далеко от войны, что его это не касается. Но не бывает чужой беды. И чужой боли. . .

С глубочайшим уважением

Тамара Краснова-Гусаченко,
Председатель Витебского областного отделения
Союза писателей Беларуси
г. Витебск, Беларусь